

В ПОИСКАХ УСКОЛЬЗАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА: СИСТЕМА ОТНОШЕНИЙ КАК АБСОЛЮТНАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ

«... **П**ространство, – пишет А. Лефевр, – существует по-прежнему, как и в давние времена, оно дано нам как современное целое, со всеми своими действующими связями и сочленениями»¹. Однако античность мыслила не «связями и сочленениями» – читай, взаимодействиям и отношениям, – а местами. Всякое же место, взятое как таковое – будь то платоновский «хорос», «обитель всему рождающемуся» (Тимей 85с)², вместилище как один из родов всего сущего, или даже аристотелевский «топос», «место места» (Физика 210а)³, – остается безразличным к силе и характеру связей – отношений – между телами, его (место) наполняющими. Даже у Лукреция Кара (как впоследствии будет и у Ньютона) пространство – все то же «место мест», пустота, заполняемая или не заполняемая вещами и с их порядком не связывающаяся, хотя значение такового римский поэт очевидно признает: «Видишь ли ты, наконец, что большое значение имеет, // Как и в порядке каком сочетаются между собою // Первоначала вещей и какие имеют движенья?» (О природе вещей II: 884)⁴. Потребовались века, чтобы Лейбниц увидел в пространстве «лишь порядок и отношение <...> не только между существующими, но и между возможными вещами, как они существовали бы»⁵, чтобы современные философы и социологи – последователи П. Бурдьё – смогли в духе Лейбница говорить как о само собой разумеющемся тождестве: «...пространство, т.е. связи»⁶, – а современные богословы смогли «представить мир как существующий в пространстве, созданном сплетением божественных Лиц, которые, как указывали Августин и Фома Аквинский, суть не что иное, как движения отношений. Пространство – это то, что создается самими отношениями»⁷.

Опасность, о которой предупреждал Бурдьё, а именно вероятность ускользания «пространства, т.е. связей», возникает в случае не только социального, но и любого пространства, и именно по причинам, указанным французским социологом: «...во-первых, поскольку субстантивистский способ мышления более легкий и “естественный”; во-вторых, поскольку часто случается, что средства, вынужденно использующиеся для конструирования и обнаружения... пространства, могут заслонить полученные с их помощью результаты»⁸.

Полагаю, обе эти причины коренятся в самой природе наблюдателя, в той фундаментальной всеобщности и непреодолимости протагоровского релятивизма и в целом греческого антропоцентризма – и философского персонализма как формы его бытования в Новое время, – о которых уже говорилось ранее⁹. Иными словами, если мы имеем дело с пространством как сложной системой связей – взаимодействий и отношений («Разнообразие и сложность жизнеспособной системы» доктора экономических наук А.Б. Докторовича; «Пространство и время в археологии. Часть 6. Археологические культуры бронзового и железного веков» доктора технических наук С.Н. Гринченко и доктора исторических наук Ю.Н. Щаповой), – даже если такую систему именовать совокупностью, описание процессов, явлений и позиций в таком пространстве, т.е. ориентация в нем, необходимо предполагает наличие там системы координат – и, будь то шрёдингеровский наблюдатель в квантовой физике или агент в социальном пространстве Лефевра и Бурдьё, это он, наблюдатель / агент / актер, оказывается центром абсолютной системы координат в системе же наблюдаемых / производимых им связей / отношений.

Такие связи объединяют наблюденную реальность со всеми производимыми человеком пространствами. Объединяют языковыми средствами, делая возможным интеллектуальное пространство как таковое («Коммуникативное пространство психологизма и антипсихологизма (на примере философии Л. Витгенштейна – раннего и позднего) доктора философских наук Г.В. Соринной; «Георгий Гачев: метафизика русской мысли. Часть 2» кандидата философских наук В.В. Грановского), констатируя, заимствуя и порождая смыслы («Предлог в контексте пространственно-временного континуума (на материале испанского языка)» С.А. Галстян; «К вопросу о формировании состава Миней-Четых (на примере февральского тома)» Н.А. Кулёвой; «Историко-филологические заметки о символах власти: держава-яблоко и скипетр-жезл» доктора филологических наук М.И. Чернышевой и А.Б. Дубовицкого; «Репутация: этимология и поиск социально-философских оснований анализа» Ю.Е. Крюковой), в свою очередь формирующие политическую и, шире, социальную реальность, позиции агентов в социальных полях и силы, влияющие на эти позиции («Проявление коммуникативных особенностей «мягкой силы» в истории государственного управления» доктора политических наук Ю.В. Ярмака; «“Ялтинские субуниверсалы” как пространство дискурса власти: постановка проблемы» кандидата философских наук О.К. Шевченко; «Идемте вперед единой силой!»: Британский тыл в годы Второй мировой войны. Часть 3» кандидата исторических наук Д.В. Суржика; упоминаемая работа Ю.Е. Крюковой). Объединяют средствами визуализации («Подготовка цифровой модели рельефа для исследования экзогенных процессов северных территорий Российской Федерации» А.Л. Минеева, доктора геолого-минералогических наук Ю.Г. Кутинова и кандидатов геолого-минералогических наук Ю.Г. Кутинова и кандидатов геолого-минералогических наук Ю.Г. Кутинова и кандидатов геолого-минералогических наук Ю.Г. Кутинова).

¹ Пространство как социальный продукт: глава из книги Анри Лефевра [Электронный ресурс] // Теории и практики. Режим доступа: <http://special.theoryandpractice.ru/space>.

² См.: Платон. Тимей / Пер. С.С. Аверинцева // Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.

³ Аристотель. Физика // Аристотель. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 127.

⁴ Тит Лукреций Кар. О природе вещей [Электронный ресурс] // LibreBook. Режим доступа: http://librebook.ru/o_prirode_veshei/vol1/3.

⁵ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предусмотренной гармонии // Соч. в 4 т. Т. 2. С. 149.

⁶ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетей; М.: Ин-т экспериментальной социологии: Алетей, 2005. С. 68.

⁷ Фидес П. Внимая возвышенному и прекрасному: богословские размышления об Эммануэле Левинасе и Айрис Мердок [Электронный ресурс] // Богословие красоты / Под ред. А. Бодрова и М. Толстолуженко. М.: Библиейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 2013. Режим доступа: <http://mydocx.ru/8-27479.html>. См. также: Fiddes P.S. *Participating in God: A Pastoral Doctrine of the Trinity*. London: Darton, Longman and Todd, 2000, pp. 28–55.

⁸ Бурдьё П. Указ. соч. С. 68.

⁹ Тынянова О.Н. Апология аргумента *ad hominem* // Пространство и Время. 2015. № 1–2 (19–20). С. 11–15.

наук З.Б. Чистовой и Е.В. Поляковой; «Глубинная дегазация, озоновый слой и погодные аномалии в Северном полушарии летом 2015 г.: аномальная жара в Европе, на Чукотке, в Магадане; аномальный холод в центральной России; природные пожары в Испании, на Украине и в Сибири» доктора геолого-минералогических наук В.Л. Сывороткина; «Зависимость эффективности предсказания аффективно окрашенных изображений от удовлетворенности базовых потребностей» доктора биологических наук П.Е. Григорьева, кандидата психологических наук И.В. Васильевой).

В силу сказанного полагаю также, что именно связи, т.е. пространство, – коль скоро последнее «ест не что иное, как общий порядок всех сосуществующих [вещей]»¹, а, значит, и наблюдателей / агентов / акторов, – позволяют преодолеть названные Бурдье причины возможного «ускользания пространства» – по крайней мере, именно такая попытка предотвратить подобное ускользание предпринята на страницах нового номера журнала «Пространство и Время». Ускользание в релятивизм, идет ли речь о пространстве физическом, социальном, культурном, когнитивном, рано ведет к деспатииализации, исчезновению, «истаиванию» связей.

Здесь мне придется привести несколько дополнительных уточнений и определений.

Если под *пространством*, вслед за Г.В. Лейбницем, понимать «общий порядок всех сосуществующих [вещей]», «возможное расположение тел»², «порядок и отношение не только между существующими, но и между возможными вещами, как они существовали бы», то такое пространство представляет собой абстракцию³, пусть даже и «конкретную абстракцию» (А. Лефевр). Эта абстракция, указывает о. Павел Флоренский, есть мысленная модель действительности, «вспомогательный прием мышления», позволяющий представить ее (действительности) многообразие⁴. Будучи же приемом мышления, пространство как «конкретная абстракция» сформировано соответствующими не только (а в ряде случаев и не столько) конкретными (у Лейбница – существующими), но и всеми мыслимыми (наблюдателем / агентом) *отношениями конкретного субъекта (наблюдателя / агента) к и по поводу объекта его наблюдений*. Движение здесь возможно именно и только по Канту: «... движение вещи есть перемена ее внешних отношений к данному пространству»⁵.

Таковым в полной мере оказывается физическое пространство, и в этом случае схватывание «ускользающего» пространства часто означает возвращение к исторически первой системе координат как абсолютной – в том числе и в прямом смысле («Пространственно-временные колебания Вселенной и новые направления в науках о Земле» доктора геолого-минералогических наук Б.Л. Берри; «О природе “чёрных дыр”, “тёмной материи” и динамике Вселенной» академика РАН С.С. Григоряна; «Теорема Умова-Пойнтинга и вектор плотности потока электромагнитной энергии: разные условия, разные решения» кандидата технических наук В.М. Малыгина; «Дегазация и методологические аспекты интерпретации данных сейсмического метода. Часть 2. Закономерности в геологической среде и интерпретация сейсмических данных» кандидата геолого-минералогических наук А.М. Кузина). Таковым оказывается и конструируемое интеллектом эпистемическое пространство – философии (упомянутая статья Г.В. Сориной; «Опыт разработки онтологических основ веры в русской философии» доктора философских наук С.А. Нижникова; «Эсхатологическая утопия Н.Ф. Фёдорова: между “вечным становлением» и “бесконечным возвращением» кандидата философских наук Р.С. Гранина, «Феномен Итигэлова и проблема исследования фундаментальных и прикладных свойств Пространства-Времени. Часть I. Феномен Итигэлова и философско-методологическая постановка проблемы» доктора технических наук Б.Е. Большакова), истории (упомянутая статья С.Н. Гринченко и Ю.Н. Шаповой; «Время и история: к началу времени» кандидата архитектуры Д.М. Спектора; «Начальный этап каталогизации крымских древностей: первые достижения и неудачи» доктора исторических наук А.А. Непомнящего), экономики («Взгляды русских ученых-эмигрантов на состояние и пути развития сельского хозяйства в Советской России в период НЭПа» кандидата исторических наук А.В. Берлова). Представляется, что именно такой тип связей / отношений А. Лефевр описывает как «репрезентации пространства, иначе говоря, пространство задуманное, пространство ученых, планировщиков, урбанистов, “крящих” и “организующих” технократов, некоторых художников, близких к научным кругам и отождествляющих переживание и восприятие с замыслом (продолжением чего служат ученые рассуждения о числах – золотом сечении, модулях и “канонах”). Это пространство, господствующее в данном обществе (способе производства). Концепции пространства тяготеют... к системе вербальных, то есть разработанных интеллектом знаков»⁶. Так, введение декартовой системы координат превратило античное «место» – и платоновский «хорос», и аристотелевский «топос» – в фиксируемую в этой системе точку, описываемую совокупностью параметров.

Такое пространство образуют отношения к идеям, категориям и сложным понятиям, будь то Бог и вера (упомянутая статья С.А. Нижникова; весьма показательна в этом случае сентенция Лейбница «... в зависимости от точки зрения можно сказать, что пространство есть Бог, и можно также сказать, что оно есть лишь порядок и отношение»⁷), жизнь, смерть и бессмертие (упомянутые статьи Б.Е. Большакова и Р.С. Громова), сложность и разнообразие (упомянутая статья А.Б. Докторовича), время (упомянутая статья Д.М. Спектора), инновации («Типология культурных инноваций» доктора философских наук М.Я. Сарафа), гражданское общество («Условия формирования гражданского общества в контексте пространственно-временных факторов» докторов юридических наук Н.Ф. Медушевской и К.Е. Сигалова) или репутация (упомянутая статья Ю.Е. Крюковой). Именно в таком пространстве возможны языковые игры (по Витгенштейну) и метатеоретические исследования – а значит диалог не только исследователей, но и подходов и методов исследования (упомянутая статья Г.В. Сориной), а также исследования междисциплинарные, «перекраивающие» привычную картину мира (упомянутая статья С.Н. Гринченко и Ю.Л. Шаповой; «Рюриковичи или Олафовичи: гипотеза об Y-группе I2 у Рюрика по данным ДНК его возможных потомков» доктора политических наук О.Н. Барабанова). Наконец, именно в таком пространстве формируются когнитивное субпространство власти (или поле взаимодействия власти и знания) и эпистемические модусы пре-модерна, модерна и постмодерна⁸.

¹ Лейбниц Г.В. Замечания к общей части Декартовых начал // Соч. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 189.

² Там же. С. 220.

³ «Пространство есть абстрактная идея, обнимающая все отношения сосуществования» (Спенсер Г. Опыт научные, политические и философские. Т. 2: Классификация наук [Электронный ресурс] // Библиотека «Полки букиниста». Режим доступа: http://society.polbu.ru/spenser_experiencesii/ch01_iii.html).

⁴ См.: Флоренский П. Анализ пространственности (и времени) в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П. История и философия искусства. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. С. 81–258.

⁵ Кант И. Метафизические начала естествознания // Соч. Т. 6. М.: Мысль, 1964. С. 71.

⁶ Пространство как социальный продукт...

⁷ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении... 149.

⁸ Подробнее о характеристиках для динамики «пре-модерн – модерн – постмодерн» (взаимо)обусловленных знанием модусов функционирования политических элит «знаю и действую» / «знаю и не действую» (пре-модерн), «не знаю и действую» /

В свою очередь, под *средой* я буду понимать ту часть пространства, в которой взаимодействуют между собой более двух субъектов, а также *субъект (наблюдатель / агент) с объектом* (ту часть пространства, в которой взаимодействуют два субъекта, я буду называть коммуникативным каналом; такие взаимодействия могут разворачиваться как в общей для двух субъектов среде, так и в общем для них пространстве). Представляется, что движение в среде (тем более, в коммуникативном канале) есть перемена внутренних отношений в данной части пространства.

В определенном смысле среда может описываться как «*пространства репрезентации*» А. Лефевра, т.е. как «пространство, переживаемое через сопутствующие ему образы и символы, иными словами, пространство “жителей”, “пользователей”... Это пространство подчиненное, то есть претерпеваемое, пространство, которое пытается изменить и присвоить себе воображение. Оно покрывает собой физическое пространство, используя его объекты в качестве символов. Тем самым эти пространства репрезентации тяготеют... к более или менее когерентным системам невербальных символов и знаков»¹. Именно в среде идеи превращаются в идеологию; А. Лефевр, не разграничивающий понятия «пространство» и «среда» (как часть пространства), характеризует идеологию именно как средовой феномен: «Что такое идеология без пространства, к которому она отсылает, которое описывает, чью лексику и связи она использует, чей код она содержит? Чем была бы религиозная идеология иудеохристианского образца, не будь в ее основе определенных мест и их названий: церковь, исповедальня, алтарь, святилище, кафедра, скиния и т. д.? Чем была бы Церковь без церквей? ... Вообще говоря, то, что называется «идеологией», обретает плотность, лишь вторгаясь в социальное пространство, в его производство, и оформляется в нем. Быть может, сама по себе она и заключается преимущественно в дискурсе об этом пространстве?».

В среде (а не в пространстве в целом) человек – благодаря идеологии – ощущает и свою общность с миром политическим («*Система сущности и природной функций правовой идеологии*» кандидата юридических наук А.И. Клименко; упомянутая статья Н.Ф. Медушевской и К.Е. Сигалова; «*Особенности современного исламского политического феномена*» доктора философских наук М.М. Аль-Джаноби), и свою «заброшенность в мир» (М. Хайдеггер). «Не в пространстве: мы отходим от Тебя и приходим к Тебе не в пространстве», – пишет Августин Блаженный (Исповедь VI. 37)². «... Бог не существует в пространстве, но *создает* пространство в Себе посредством отношений <...> [Но] Даже если Бог создал пространство внутри себя, – пишет современный богослов П. Фидс со ссылкой на Э. Левинаса, – это пространство теперь “вне” Бога, поскольку Бог не присутствует в этой пустоте ничто»³, – и это ускользающее «пространство вне Бога» становится средой, в которой уже сам человек творит сакральное и профанное (упомянутая статья С.Н. Гринченко и Ю.Л. Шаповой; «*Легендаризация световых предвестников сейсмических событий*» доктора технических наук И.В. Флоринского; «*Из опыта участия православного духовенства в археологическом исследовании Херсонеса: раскопки архимандрита Евгения*» кандидата исторических наук В. Калиновского; упомянутая статья О.К. Шевченко) – или разрушает и то, и другое («*Консциентальная война: глобальные тренды глобального противоборства*» доктора политических наук Н.А. Комлевой).

В среде же творятся и воспроизводятся наиболее устойчивые формы и типы социальных отношений, особенно власти и доминирования (упомянутые статьи Ю.В. Ярмака, Н.Ф. Медушевской и К.Е. Сигалова) – тем самым именно в среде и происходит «схватывание» ускользающего пространства, или, если вслед за Г. Спенсером, измерять время в единицах пространства, «пересечение» – в поле культуры – времени (как пространственного феномена) и истории (как феномена среднего) (упомянутые статьи Д.М. Спектора, С.Н. Гринченко и Ю.Л. Шаповой, Н.А. Комлевой, М.Я. Сарафа). Причем термин «пересечение» здесь можно понимать не метафорически, а именно буквально – как пересечение множеств, т.е. как множество, которому принадлежат те и только те элементы, которые одновременно принадлежат «множествам» времени и истории. В таком случае культура (и поле культуры социального пространства) оказывается таковой именно в силу своей принадлежности ее элементов одновременно и пространству времени, и пространству истории (также исторической среде как соответствующей части пространства). И это действительно требует «пересмотра истории. Необходимо будет изучить не только историю пространства, но и историю репрезентаций, а также историю их связей друг с другом, с практикой, с идеологией. Подобная история будет включать в себя генезис этих пространств, а главное – их сопряжений, искажений, перемещений, взаимных пересечений и связей с пространственной практикой обществ (способов производства)»⁴. Подобная история – и, шире, социология истории – будут предполагать также и пересмотр методологического инструментария: отказ как от антипсихологизма (человек и все его интенции остаются начальной точкой в любой системе координат при изучении социальных и исторических процессов), так и от психологизма (лежащего в основе агностицизма и утверждающего тождество упомянутой начальной точки в системе координат с любыми – и всеми – процессами, в этой системе координат рассматривающимися) в пользу анти-антипсихологизма, в котором двойное отрицание не тождественно утверждению (упомянутая статья Г.В. Соринной) и который может быть успешно реализован в рамках междисциплинарных исследований (упомянутая статья О.Н. Барабанова).

Таким образом, именно среда (а не пространство в целом) ставит перед субъектом задачи адаптации (упомянутая статья П.Е. Григорьева и И.В. Васильевой; «*Хронопрофилактика стресс-ассоциированной сердечнососудистой патологии: недостающее звено*» Ю.К. Костоглодова и А.А. Михайлиса; «*Разведочный анализ факторов интуиции. Часть 2*» доктора биологических наук П.Е. Григорьева, кандидата психологических наук И.В. Васильевой, М.А. Заевой, А.А. Таратухина, И.В. Кудри и А.С. Крикун; «*Время-зависимые эффекты мета-пресс-ретарда у больных гипертонической болезнью II стадии*» доктора медицинских наук Р.М. Заславской и кандидата медицинских наук Т.Н. Жумабаевой; «*К вопросу о текучести плановых аграрных переселенцев в областях-реципиентах РСФСР (вторая половина 1940-х – 1980-е гг.)*» кандидата исторических наук С.А. Пискунова; «*Особенности современной трудовой миграции и интеграция мигрантов*» Д.М. Абрамяна). Именно среда определяет жизнеспособность и безопасность инноваций и инновационных продуктов («*Двадцать пять лет водородной теории разрушения озонового слоя, или Альтернатива Монреальскому протоколу*» доктора геолого-минералогических наук В.Л. Сывороткина; «*Глобальная природоохранная гипотеза, создавшая глобальный кризис в выборе хладагентов. Часть 1*» доктора технических наук И.М. Мазурина, кандидата физико-математических наук А.Ф. Королёва, Е.Ф. Уткина и Р.Л. Герасимова; «*Об инновациях и безопасности*

«не знаю и не действую» (модерн) и «не желаю знать и действую» / «не желаю знать и не действую» (постмодерн) см.: Тынянова О.Н. Власть и знание: к топологии «других пространств» // Пространство и Время. 2014. № 4(18). С. 10–13.

¹ Пространство как социальный продукт...

² Блаженный Августин. Исповедь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://catholic.tomsk.ru/files/Confession.pdf>.

³ Фидс П. Указ. соч., со ссылкой на: Левинас Э. Трудная свобода // Избранное: Трудная свобода. М.: РОССПЭН, 2004. С. 446.

⁴ Пространство как социальный продукт...

производства» кандидата экономических наук М.О. Ольховской и А.А. Добромыслова) – равно как и любых управленческих решений.

Последние, замечу, могут, в зависимости от обстоятельств приниматься как в пространстве, так и в среде, и в коммуникативном канале – и формировать соответствующие топосы (упомянутая статья Н.Ф. Медушевской и К.Е. Сигалова; «Развитие российских регионов на основе экономико-демографического анализа параметров России и мира. Часть 2» доктора физико-математических наук А.М. Тарко; «Геополитический аспект влияния этнической специфики пограничного пространства на государственную безопасность России» кандидата политических наук Л.Б. Кристаллинико). Поскольку же «в знании есть отношение к познаваемому»¹, не только топос, но и в значительной мере модус – эпистемический и алетический² – определяет судьбу как самих управленческих решений, так и тех, кто их принимает, не говоря уже о тех, в отношении кого они принимаются (упомянутые статьи Н.А. Комлевой, Ю.В. Ярмага и Д.В. Суржика, «Проблема технического состояния корабельных сил 2-й Архипелагской экспедиции (1805–1807 гг.)». Малоизученный аспект блистательной экспедиции кандидата исторических наук А.А. Лебедева; «Эксперты узкого профиля в Группе контроля в научно-техническом сотрудничестве между СССР и ГДР в 1965–1975 гг.» Г.А. Хаберл-Яковлевой; «Неизвестный брат известного революционера: херсонский и таврический губернатор В.И. Пестель. Часть 2» А.С. Кравчука; «Батька Якир. Штрихи к портрету командарма 1 ранга И.Э. Якира и Красной Армии конца 1920-х – середины 1930-х гг.» кандидата исторических наук А.А. Смирнова).

Так, очевидно, что утверждение А. Лефевра: «Если познание, в соответствии со знаменитой формулой, восходящей к Марксу, непосредственно (а не опосредованно) становится производительной силой и происходит это с появлением капиталистического способа производства, значит, отношения между идеологией и наукой меняются. Знание берет на себя роль идеологии. Для идеологии – насколько она отличается от знания – характерна риторика, метаязык, а значит, пустословие и досужие разглагольствования (а не философско-метафизическая систематизация, “культуры” и “ценности”)³, – характеризует социальное пространство (и социальную среду) модерна. В эпоху же пост-модерна – поскольку знание, по определению того же Лефевра, есть «смесь познания и идеологии» и поскольку оно «с поразительным неразумием обслуживает власть, уничтожая любое сопротивление»⁴, – риторика и метаязык идеологии вытесняют знание в масштабе поля науки и образования и, соответственно, в образовательной, производственной и управленческой среде тем быстрее, что «площадку» для этого в эпоху «позднего модерна»⁵ подготовило вытеснение специалистов номенклатурой, обслуживающей «политический класс» (упомянутая статья Г.А. Хаберл-Яковлевой).

Что же касается влияния топоса на управленческие решения и – тем самым – на время (мыслимое, по Спенсеру и Гуревичу, в категориях пространства⁶), то, полагаю, таковое влияние может быть описано в рамках теории динамических социальных полей А.Б. Докторовича⁷. сами социальные поля подобны силовым полям: «...под силой социального действия понимается характеристика, оценивающая воздействие одного агента на другого или на социальный процесс. Эта характеристика сопоставляет и соразмеряет силу действия каждого из взаимодействующих агентов либо силу воздействия каждого из них на анализируемый процесс. В некоторых ситуациях может рассматриваться не сила, а интенсивность социального действия»⁸. В этом смысле социальное пространство (и, тем более, среда) есть «...поле сил, необходимость которых навязывается агентам, вовлеченным в данное поле, ... поле борьбы, внутри которого агенты противопоставляют друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от позиции в структуре поля сил»⁹. Очевидно, что поле сил, создаваемое культурой (и идеологией как элементом культуры), является одним из наиболее мощных по своему воздействию на вовлеченных в такое поле агентов (упомянутые статьи Н.А. Комлевой, Ю.В. Ярмага, А.И. Клименко, Н.Ф. Медушевской и К.Е. Сигалова, М.М. Аль-Джанаби, Г.А. Хаберл-Яковлевой, Д.М. Абрамяна).

При этом, замечу, в случае поля культуры цивилизационный тип сильных и сверхсильных взаимодействий и отношений (по Докторовичу) – независимо от того, являются ли они взаимодействиями и отношениями меж- или внутрисоциальными (а также независимо от типов вступающих в эти взаимодействия и отношения агентов – социальных институтов или отдельных индивидов), – определяется цивилизационным типом слабых взаимодействий и отношений. Соответственно, и воспроизводится и разрушается – такой цивилизационный тип взаимодействий и отношений и в масштабах пространства, и в масштабах среды, и в масштабах коммуникативных каналов.

Не в этом ли типе «схватывания» пространства коренится не только различие в технологиях власти в социумах, принадлежащих к двум принципиально различным цивилизационным типам, – в возникшем как отрицание родовых отношений западном обществе (где реализуется власть-технология) и в возникших как продолжение родовых отношений обществах незападного типа (где реализуется власть-собственность)¹⁰, – но и причина того воодушевления, с кото-

¹ Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. I / Под ред. Н. Лобковица и А. Апполонова. М.: Издатель Савин С.А. 2006. С. 65.

² Необходимое (пре-модерн), возможное (модерн) и случайное (постмодерн) управленческое решение (см.: Тынянова О.Н. Апология аргумента *ad hominem*. С. 11).

³ Пространство как социальный продукт...

⁴ Там же.

⁵ Временные рамки модерна даны по С. Тулмину и П. Осборну: середина XV в. – 1789 – ранний модерн, 1789–1900 – классический модерн, 1900–1989 – поздний модерн (Toulmin S. *Cosmopolis: The Hidden Agenda of Modernity*. Chicago: University of Chicago Press, 1992, pp. 3–5; Osborne P. "Modernity Is a Qualitative, not a Chronological, Category." *New Left Review* 192.1 (1992): 65–84).

⁶ «Наконец, мы доходим до тех отношений, члены которых заключают в себе одновременно и количества длительности и количества протяженности, до тех отношений, в которых время измеряется единицами пространства, проходимого с постоянной быстротой, и в которых при равных данных единицах времени измеряются пространство, проходимое с постоянной или переменной скоростью» (Спенсер Г. Указ. соч.); «Пространство измеряется временем, затраченным на преодоление расстояния... Но время в свою очередь осмысливается пространственно и может быть изображено в виде пространственных координат» (Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. I. «Картина мира» средневекового человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://infm1.sai.msu.ru/~tempus/tempus/gurevich.html>).

⁷ См.: Докторович А.Б. Социальные взаимодействия и отношения как фактор развития социального потенциала // Труд и социальные отношения. 2008. № 9 (5). С. 4–13; Он же. Основы теории моделирования социальных взаимодействий, отношений и полей // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 55–65; Он же. Формализованное описание и классификация социальных действий, взаимодействий и отношений // Пространство и Время. 2011. № 2(4). С. 48–57.

⁸ Докторович А.Б. Основы теории моделирования социальных взаимодействий, отношений и полей. С. 59.

⁹ Шматко Н.А. «Социальное пространство» Пьера Бурдьё [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. 2009. 1 октября. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3707/3708>.

¹⁰ См. об этом подробнее: Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. I. М.: Высшая школа, 1994.

рым советское общество восприняло «Большой террор» 1937–1939 гг. и которое до сих пор остается не объясненным ни в рамках истории, ни в рамках политологии (и даже философии политики) (упомянутая статья А.А. Смирнова).

Поясню подробнее. Несмотря на традиционно отмечаемые в специализированных словарях¹ в качестве важнейших такие задачи/функции государства, как забота о территории и населении, важнейшей задачей политического руководства государства – независимо от цивилизационного типа последнего – было и остается забота прежде всего о, как минимум, сохранении собственной власти (как минимум, консервация существующих отношений господства / доминирования при, как минимум, консервации обусловленной ими социальной позиции). В случаях же угрозы власти (т.е. соответствующим отношениям и социальной позиции) политический актор в социальной среде западного типа реализует «технологические» стратегии минимизации угроз, предполагающие (как достаточные) меры по разрушению коммуникативных каналов агентов (индивидов и/или институтов), создающих такие угрозы (ярчайшим примером чего можно считать «охоту на ведьм» в США эпохи маккартизма).

Иное дело социальная среда западного типа. «Технологических» стратегий в условиях власти-собственности в социальной среде, возникшей и развивающейся как продолжение родовых отношений, явно недостаточно. Так появляются стратегии, направленные на уничтожение не только соответствующих коммуникативных каналов, но и в целом *среды*, в которой могут появиться потенциальные конкуренты действующей власти. Это предполагает уничтожение как взаимодействий и отношений соответствующих субъектов / агентов, так и их самих, и всех – любых! – «контрагентов» их взаимодействий и отношений, не только поддерживающих (последовательно – членов семей, друзей, членов профессиональных сообществ и иерархий), но и конфронтационных (критики, враги) (упомянутая статья А.А. Смирнова). Здесь следует отметить, что для обществ западного типа характерен преимущественно сильный тип даже семейных отношений, что позволяет поддерживать клановые связи в любой среде, от семейной до профессиональной, причем в случае отношений между индивидом и государством того же западного типа это в основном односторонний тип отношений. Поскольку же в советском обществе до эпохи «Большого террора» сохранялся именно такой – сильный – тип отношений как в семье, так и в профессиональных сообществах (особенно научных), а также между государством и индивидом (отношения как поддерживающие, так и конфронтационные – упомянутые статьи А.С. Кравчука, А.А. Непомнящего, А.А. Лебедева, В.В. Калиновского, А.В. Берлова), – постольку предлагаемый «политическим классом» тип сверхсильных односторонних конфронтационных отношений был, по всей видимости, воспринят не столько содержательно (рационально-аксиологически), сколько «энергетически» (иррационально-неаксиологически) (в содержательном же смысле этому немало способствовала многие годы реализовывавшаяся в Российской империи интеграционная стратегия «единая судьба – одни враги»²).

Единственным спасением в социальной среде, где реализуются такие стратегии, становится ослабление, а в ряде случаев и прекращение каких бы то ни было социальных отношений, будь то отношения семейные, дружеские или профессиональные (как, например, в случае не попавших под маховик репрессий Буденного и Жукова, которые практически не поддерживали отношений в с кругом своих сослуживцев) – и так вплоть до политического (и, соответственно, правового) нигилизма. Закономерным итогом такой формы деспатизации общества западного типа становится «псевдоморфизм» западного индивидуализма – что не замедлило сказаться на адаптационных возможностях как в социальной, так и в природной среде (упомянутые статьи С.А. Пискунова, В.Л. Сывороткина, И.М. Мазурина с соавт.). Последняя же в условиях тотального отчуждения и столь же тотального воспроизводства эпистемического модуса постмодерна окончательно «превращается в вымысел, в негативную утопию: отныне она всего лишь сырье, которое обрабатывали производительные силы различных обществ, производя свое пространство»³, – среду тем более опасную для ее агентов-обитателей (включая и субъектов власти), что «нежелание знать», основа алетического управленческого модуса постмодерна, воспроизводится в институциональной, коммуникативной и когнитивной среде и соответствующих структурах⁴, успешно транслируется в социальные поля науки и образования, а также экономики (упомянутые статьи Г.А. Хаберт-Яковлевой, В.Л. Сывороткина, И.М. Мазурина с соавт.). Так стремление агентов поля власти удерживать и организовать применением различных видов сил – жестких и мягких – ускользящее пространство превращается в эпоху постмодерна в свою противоположность; утрачивая же «пространство, т.е. отношения», человек утрачивает и смыслы, и самую среду своего существования.

Механизмы адаптации как фундаментального свойства живого реализуются человеком как рациональным образом, так и интуитивно (упомянутые статьи П.Е. Григорьева с соавт.), приводя к повышению разнообразия и жизнеспособности его взаимодействий и отношений, вызывая к жизни социокультурные инновации и информационные революции (упомянутые статьи А.Б. Докторовича, М.Я. Сарафа, С.Н. Гринченко и Ю.Л. Шаповой), а с ними и новые смыслы. Поскольку же и в эпоху постмодерна «в каждой душе живет тяготение к счастью и смыслу» (Фома Аквинский), постольку и в эту эпоху производство пространства останется главным непрерывным производством, а способы удержания ускользящего пространства – главными способами производства средств производства.

О.Н. Тынянова, главный редактор

Цитирование по ГОСТ: Р 7.0.11—2011:

Тынянова, О. Н. В поисках ускользящего пространства: система отношений как абсолютная система координат / О.Н. Тынянова // Пространство и Время. — 2015. — № 3(21). — С. 10—14. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st3-21.2015.01

¹ См., напр.: Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2007; Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2010; Политология. Энциклопедический словарь / Ред. Аверьянов Ю.И. М.: Московский коммерческий университет, 1993 и др.

² Подробнее об этом см., напр.: Агаджанов С.Г., Трепавлов В.В. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1998.

³ Пространство как социальный продукт...

⁴ Подробно о когнитивной, институциональной и коммуникативной структурах науки см.: Гаджиева Ч.С. Гисто- и цитохимия в России на рубеже XIX–XX веков: проблема формирования исследовательской области: Автореф. дисс. ... к. биол. н. М., 1990.